

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ РЕВОЛЮЦИОНЕРА-ДЕМОКРАТА МИКАЕЛА НАЛБАНДЯНА

Кандидат юридич. наук О. А. ОВСЕПЯН

Великий армянский революционер-демократ и мыслитель М. Налбандян не оставил специальных работ по вопросам государства и права, однако в его историко-философских произведениях имеются ценные мысли по этим вопросам. Прежде всего нужно отметить, что Налбандян рассматривает сущность феодальных и буржуазных государств с классовой позиции. Он пытается увидеть органическую связь между экономически господствующим классом и государственной властью, выступающей в защиту интересов богатых против трудовых людей. В этом плане он видит не только различия между государственным аппаратом и простым народом, но и враждебность между ними. «Государство—это не народ,—писал Налбандян,—говоря о государстве, надо понимать чиновничество какой-либо страны или его главу»¹.

Рассматривая государства буржуазных стран Европы и феодальных стран Азии, Налбандян приходит к выводу, что в этих странах эксплуататорские классы с помощью государственной машины держат народные массы в угнетенном состоянии. Например, в Англии, говорит он, «государственная машина приводится в действие лишь силой первого и среднего классов. Абсолютно вся полнота власти находится в руках этих двух классов, ни конституция, ни даже прерогативы короны не могут быть направлены против этих классов» (стр. 475). Так Налбандян разоблачал феодально-клерикальных и буржуазно-либеральных идеологов, рассуждавших о якобы существующем единстве государства и народа. С подобными идеями выступали и многие армянские авторы, говоря: «Разве государство—это не народ?» Нет, категорически возражает Налбандян. «Государство есть государство. Одно дело народ, нация,—подчеркивает он,—другое—государство» (стр. 442). Несмотря на то, что государственный аппарат защищает интересы богатых семейств и служит им, продолжает Налбандян, живет он за счет народа, с которого принудительно собирает налоги для содержания чиновнического аппарата.

Отдельные изменения в формах правления европейских государств буржуазные идеологи использовали как аргумент для пропаганды того, что государство является выразителем интересов всего народа. Налбандян выступал и против этой аргументации, поскольку он хорошо

¹ М. Налбандян, Избранные философские и общественно-политические произведения, М., 1954, стр. 442. Далее страницы этого издания указываются в тексте.

понимал, что если в государстве население разделено на богатых и бедных, то это государство, невзирая на формы его правления, является деспотическим. «Пусть, если угодно, хотя сорок раз меняют форму правления, но, пока одна часть общества владеет землей, другая же остается нищей, там будет царить насилие» (стр. 407). Здесь и в других местах Налбандян четко сформулировал то положение, что в феодальных и буржуазных странах изменение формы правления не меняет эксплуататорской сущности государства, поскольку власть находится в руках богатых земледельцев, купцов и промышленников.

В своей работе «Гегель и его время» Налбандян, выступая против некоторых правовых взглядов Гегеля, идеализирующего германскую тиранию, развивает мысль, что не только в монархических, но и в конституционных, республиканских формах государств власть имеет целью обеспечить господство имущих над немущими.

Сложившееся в литературе дореволюционного периода мнение о том, что Налбандян—сторонник конституционной монархии, не соответствует действительности. В своем произведении «Гегель и его время» он, положительно отзываясь об английской конституционной форме правления, хочет показать некоторые демократические стороны конституционной монархии по сравнению с германской деспотической государственностью, и только. Он резко критиковал Гегеля, который выступал против Великой французской революции, нанесшей решающий удар по феодально-абсолютистскому строю, создавшей республику со своим выборным органом. Стараясь раскрыть подлинную сущность идей Гегеля относительно французской республики, Налбандян спрашивает, почему Гегель боится республиканской формы государства, и отвечает: «Элементы республиканизма» в конституции—вот чего он нигде и никогда не допускает, вот чего он боится, как ворона пугала, причем без того, чтобы вникнуть, что республиканизм совершенно безвреден, если применяется в противовес узкому абсолютизму» (стр. 468). Как видим, по Налбандяну, республиканская форма правления по сравнению с другими формами, особенно с деспотической, прогрессивна.

Однако если на эту форму правления смотреть со стороны интересов народа, исходя из опыта французской республики, то и здесь видно экономическое рабство простых людей, несправедливость, здесь также «земли составляют частную собственность дворян: простой народ там лишен даже клочка земли» (стр. 396). Налбандян хорошо понимал, что во Франции программные требования буржуазии и многие лозунги революции, вся политическая идеология этого класса были направлены лишь против феодально-абсолютистских порядков и служили утверждению буржуазной государственности. Таким образом, политическим итогом французской революции он считает не кардинальное изменение государственных форм, не освобождение французских крестьян от рабства, а переход государственной власти из рук феодалов в руки буржуазии. Эти мысли Налбандяна о политическом результате французской революции близки взглядам Ф. Энгельса, который писал: «Мы знаем

теперь, что... царство разума было ничем иным, как идеализированным царством буржуазии, что вечная справедливость нашла свое осуществление в буржуазной юстиции, что равенство свелось к буржуазному равенству перед законом, а одним из самых существенных прав человека провозглашена была буржуазная собственность»².

М. Налбандян открыто выступает против современных ему форм правления, считая всех их антинародными, поскольку и при германской монархии и при английской конституционной монархии и при французской буржуазной республике народ лишен экономических и политических прав. Он видел, что в этих государствах господствующие классы, против воли народов, приводят власть в действие как им хочется. «По Налбандяну,—писал А. Ф. Мясникян,—нет безусловно счастливой и свободной страны. Страна, считающаяся самой счастливой, носит в себе отрицательные зародыши; даже свободнейшая из свободных стран не свободна от элементов деспотизма. Он думает, что современные ему порядки вместе с положительными качествами имеют также отрицательные стороны, что эти две величины рано или поздно должны столкнуться, и из этого разразится «ужасная буря»³.

Но Налбандян не сомневается, что наступит день, когда государственная система Англии уничтожится, то же самое произойдет и с французской республиканской государственностью. Для Налбандяна приемлемой формой государства является та, которую пропагандируют русские революционеры-демократы: «Единственно благотворным началом является общинное начало, которое существует в России» (стр. 474). По примеру Чернышевского он пропагандировал идею демократического государства, созданного путем крестьянской революции.

Некоторые авторы «нашли» в «Земледелнии...» Налбандяна мысли, отрицающие всякую государственность. Но это ошибка. В государственных формах Западной Европы Налбандян не видел последнюю ступень государства, наоборот, он понимал, что после уничтожения эксплуататорских государств новые государства будут создаваться в соответствии с интересами народных масс.

Налбандян ставил вопрос об уничтожении старого аппарата угнетения и создании революционного правительства. Исходя из опыта западноевропейских буржуазных революций, он предлагал «не устремляться на ложный путь» (стр. 447), поскольку эти революции не уничтожили существующие государственные аппараты, а приспособили их для дальнейшего угнетения народов. В течение нескольких веков, писал Налбандян, Европа «переменила и все еще меняет формы правления, но до сих пор не достигла своей цели...» (стр. 434). Эта цель—не уничтожение государства вообще, а создание новой, народной формы правления и решение экономического вопроса. «И вопрос этот будет разрешен рано или поздно,—подчеркивает он,—хотя бы ужасными бурями» (стр.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2-е изд., т. 20, стр. 17.

³ А. Ф. Мясникян (Мясников), Избранные произведения, Ереван, 1965, стр. 45.

435). Идеи Налбандяна о государстве теснейшим образом связаны с учением об освобождении народа. Он писал: «надо знать, что... интересы государств ничего общего не имеют с интересами народов до тех пор, пока их структура такова, как сегодня» (стр. 395). Таким образом, по его мнению, должны уничтожиться все формы государства и создаться новые, соответствующие интересам народа. Как видим, Налбандян не имеет ничего общего с мелкобуржуазным общественно-политическим анархическим течением, отрицающим всякую государственность и проповедующим ничем не ограниченную свободу отдельных личностей.

Близкие отношения между Налбандяном и Бакуниным не должны служить поводом для утверждения, что Налбандян находился под влиянием его анархических идей. Сам Бакунин в письмах родственникам признавал, что Налбандян не разделяет его политических взглядов. Он, писал Бакунин, «политически никакого согласия не имеет со мной»⁴. Аналогичную мысль Бакунин выразил в письме к Тургеневу, говоря, что Налбандян «принадлежит к противной армии»⁵.

Понимая, что государство не вечная, а историческая категория, Налбандян ставит вопрос об исчезновении государственных систем вообще. Он понимал, что условия для исчезновения государства будут созданы в далеком будущем, а не после победы крестьянской революции и утверждения социалистического общества. В этой связи Налбандян затрагивает и перспективу разрешения национального вопроса, также связывая ее с вопросом о государстве в далеком будущем. «Да, если равноправие сегодня будет признано на всем земном шаре, если исчезнут существующие теперь государственные системы,—писал он,—то на завтра уже не только не будет национального вопроса, но и надобности в нем не будет. Но дело в том, что на это требуется время» (стр. 435).

В государственно-правовых взглядах Налбандяна особое место занимают мысли, разоблачающие захватническую внешнюю политику колониальных держав и всякого рода расовые и националистические теории. Он считал, что политика захватнических войн, порабощение и ограбление народов составляют основное содержание внешней функции эксплуататорских государств, которая неразрывно связана с внутренней политикой этих государств. Англия и другие державы, говорит Налбандян, захватили и держат в своих руках многие страны для их ограбления, для вывоза из них разного ценного сырья. Захватчики чужих стран и народов прикрываются лживым аргументом, «который ныне нельзя ничем оправдать и который не может выдержать критики разума. Что это за аргумент? Он заключается в том, что якобы сильные государства захватывают чужие страны, закабаляют чужие нации лишь с одной целью—с целью их цивилизации» (стр. 442).

⁴ «Былое», 1925, № 3 (31), стр. 38—39.

⁵ Մի ր ւ ի ի ն ի ր ի ի ի ն, Երկրի իրականոր ծոցովածու, հտտ. 3, Երևան, 1941, стр. 437.

Армянский революционер писал, что стремление угнетенных наций к свержению шлоземного ига—справедливое и закономерное явление, что каждый народ имеет полное право определять свою судьбу. Обращаясь к поработителям, которые для оправдания политики своего государства используют принцип равновесия между государствами, Налбандян говорил: «Но если существуют принципы равновесия и права между государствами, значит, они должны существовать и для тех наций, которые превращены в рабов. Ты хочешь сохранить равновесие во имя права, но почему же меня, совершенно чуждого тебе и не имеющего никакого отношения к тебе, вопреки моей воле ты хватаешь и насильно кладешь на свою чашу весов? С другими государствами ты говоришь именем права, почему же в отношении меня ты попираешь это право и чинишь жестокую несправедливость» (стр. 445). Далее Налбандян отмечает, что сколько бы территорий ни захватили, сколько бы народов ни поработили эти государства, все равно простой народ никаких выгод не имеет. «...Могущественная нация не имеет никакой пользы от приписываемых ей выгод. Эта нация находится почти в таких же взаимоотношениях со своим государством, в каких находятся с ним непризнанные нации... Нации, которые приводят в трепет весь земной шар от полюса до полюса, тоже являются рабами своих государств» (стр. 441). Эти мысли армянского мыслителя перекликаются с марксистским пониманием вопроса о господствующей нации: «Народ, порабащивающий другой народ, куёт свои собственные цепи»⁶.

В объяснении причин возникновения права в начале своей публицистической деятельности Налбандян находился под влиянием идеалистических взглядов западноевропейских просветителей XVIII века. В «Письме редактору «Мегу» он связывает происхождение права с естественным правом, первоначальным источником считает естественные законы, существующие помимо воли людей, утверждая, что действующие, так сказать, человеческие или гражданские законы создавались в соответствии с естественными законами. «Естественное право,—писал Налбандян,—это величественное право, превосходящее все человеческие законы, давно уже дало понять миру, что люди вышли из рук творца равноправными. Человеческие законы были созданы, хотя зачастую и во многих случаях уклоняясь от естественного права, но тем не менее для сохранения святости социальной или семейной жизни» (стр. 356). Некогда существовало естественное состояние, в котором царил равноправие и свободные отношения между людьми, а образование политического неравенства является источником всех несчастий трудовых людей. Страдание человечества, горчайший опыт, который за тысячелетия накопило оно, отмечает Налбандян, приводит нас к той истине, что рабство есть мать всякой безнравственности, которая в свою очередь порождает ужасающие преступления. «История свидетельствует, что восстание, мятежи, убийства... грабежи и другие ужасные явления порож-

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2-е изд., т. 16, стр. 438.

дались деспотизмом. Деспотический дух, являющийся защитником рабства, не желающий признать человеческое равенство, незаконно подходу к имуществу и праву другого, первым обнажил меч над шеей бес сильного и беззащитного» (стр. 170). Свобода, продолжал Налбандян, была достоянием и всего человечества и в равной мере достоянием каждого отдельного человека. Свобода одного человека могла бы неограниченно расшириться только за счет других подобных ему членов общества. Как видим, образование законов, устанавливающих неравноправие людей, Налбандян связывает с определенным периодом развития человеческого общества, однако он не отмечает связи этого процесса с образованием частной собственности, богатства и бедности.

Необходимо подчеркнуть, что Налбандян в некоторых произведениях, особенно в «Критике «Соса и Вардистер» обнаруживает материалистическое понимание вопроса о происхождении права. Так, говоря, что обычаи создавались и существовали до образования царств и передавались «от поколения к поколению» (стр. 526), он, должно быть, имеет в виду, что эти правила поведения людей безгосударственного периода при государстве, подвергаясь воздействию времени, теряют свой смысл. «Постоянно применяемые в быту, они (обычаи,—О.О.) отдают дань времени—теряют свой внутренний смысл и превращаются в формальность...Причина? Изменились условия жизни общества» (там же).

Изучение правовых взглядов Налбандяна приводит к мысли, что в объяснении вопроса о возникновении права и его роли в жизни общества он долгое время находился под влиянием теории естественного права, т. е. и здесь оставался в рамках идеалистического понимания. Видя антинародную сущность современной ему действительности, Налбандян приходит к противоположным выводам, и не странно, что в этих обществах он ищет равную ответственность имущих и неимущих перед законом, забывая, что все законы царской России, султанской Турции и других государств выражают общественные условия и прежде всего волю богатых. Поэтому Налбандян был не прав, когда говорил, что в карательной политике «видим охрану прав общества», что «естественное право требует охраны равенства путем применения человеческого закона охраны социальных или семейных условий и свобод» (стр. 358).

Но уже в работах «Земледелие как верный путь», «Гегель и его время», «Критика «Соса и Вардистер» и в других, написанных после 1861 г., Налбандян рассматривает государственно-правовые вопросы с позиций материалистического понимания истории. В его анализах сущности права, законов, действующих в английском, французском, турецком, российском и других государствах, четко вырисовывается материалистическая позиция. Так, в законах Англии Налбандян видел не только волю господствующих классов, но и связь между государственной властью и законностью. Он хорошо понимал, что поскольку государственная власть находится в руках первого и среднего классов, «они сами меняют законы, корректируют конституцию...Одним словом, конституции и законы...дают им неограниченную и полную власть» (стр. 475).

Изучая армянскую действительность, особенно отношения между богатыми и бедными армянами, Налбандян видел их глубокое противоречие, враждебное состояние в политической, экономической, культурной, моральной и других сферах. Бедные не имеют права высказывать свое мнение, они раз навсегда убедились, что «право высказываться принадлежит только господам, то есть тем, у которых много денег» (стр. 211). «Имеешь ты власть в своих руках, богат ты—значит, ты самый почитаемый и уважаемый человек среди армян. Бей, души, гони, делай, что хочешь,—писал Налбандян,—никто не осудит тебя, ибо, будучи богатым или имея власть, ты уже приобрел непогрешимость римского папы. Виноват и подлежит осуждению битый, искалеченный тобой, душимый и гонимый тобой...» (стр. 246—247). Налбандян разоблачает правителей, законодателей, юристов, которые новыми законами скрывают сущность эксплуататорского права. Он показывает, что никаких изменений в отношении трудового народа не происходит от того, что вместо старых принимаются новые законы. Парламент, говорит Налбандян, находясь в руках капиталистов, «отменяет закон и принимает закон, новый закон при этом имеет такую же силу, какую имел старый, отмененный» (стр. 475).

Налбандян понимал, что во всех феодальных и буржуазных странах формальное равенство в гражданских правах основано на экономическом неравенстве. «Но скажи, пожалуйста, свободен ли я, называясь свободным только по Закону, политически; свободен ли я, если материальная нужда заставляет меня волей-неволей стать рабом другого, служить ему и этой *службой* добывать хлеб для моей семьи? Свободен ли я, когда у меня есть *хозяин*...После всего этого где моя свобода? В воображении или она на небе?» (стр. 403). Далее Налбандян критикует сущность действительных результатов французской буржуазно-демократической революции. Обращаясь к буржуа, Налбандян говорит: «Дай мне мою долю из твоей земли, тогда я не буду работать принудительно, я почувствую себя *свободным*, наши права будут равными и наступит настоящее *братство*» (стр. 404). Человек не свободен до тех пор, пока он совершает насилие над своим товарищем, заключает революционер-демократ. Таким образом, Налбандян впервые в армянской действительности разъясняет сущность эксплуататорского права, показывает, что все законы призваны защищать экономические интересы имущих.

Налбандян уже тогда считал, что общество еще долгое время не сможет обойтись без законов, устанавливающих необходимые правила государственного устройства, регулирующих отношения между государством и частными лицами и отношения частных лиц между собой. Но он имел в виду такие законы и правопорядок, которые дают народам возможность их развития. «Жизнь народа может прогрессировать лишь в условиях правосудия, лишь на основании справедливого закона», писал он (стр. 356). Налбандян боролся за создание таких законов, которые будут выражать народные интересы и служить им. Он понимал,

что в том мире, в котором он жил, богатые не возвратят народу отнятые у него права и свободы. Надо взяться за оружие и завоевать желанную свободу. «...Общественный барометр с очевидностью предвещает смертоносную бурю, тогда само общество обязано принять все доступные ему меры, как обычные, так и чрезвычайные...» (стр. 419). Чтобы достигнуть этой цели, мы, говорил армянский революционер-демократ, не остановимся перед тюрьмой или ссылкой и будем служить народу «не только словом и пером, но и оружием и кровью, если когда-нибудь удостоимся взять в руки оружие и освятить своей кровью провозглашаемую нами доселе свободу» (стр. 371).

Исходя из естественного права, Налбандян признавал за народом право на восстание против деспотических режимов, звал бесправных к революции для решения экономического вопроса. Политическую свободу он связывал только с решением земельного вопроса, с равноправным распределением земли между крестьянами, когда будет уничтожена частная собственность на землю. Однако здесь наглядно проявляется противоречивость взглядов Налбандяна. По его представлению, отмечает А. Мясникян⁷, частная собственность на землю должна быть ликвидирована и ее место должна занять общественная собственность. Каждому человеку разрешается пользоваться землей «в равной мере», а для того чтобы не повторилось прежнее неравенство, должна быть запрещена «продажа земли». Наряду с этим Налбандян утверждал, что крестьянин или горожанин по желанию может свой участок земли «закладывать, продавать, дарить...» (стр. 399). Далее, он считал допустимым в будущем обществе наемный труд горожан: «...Если ты, будучи горожанином, занятый торговлей или другими делами, не хочешь или не в состоянии будешь обрабатывать свою часть земли сам или же при помощи найма, в таком случае можешь сдать ее в аренду и таким образом извлечь выгоду из своей земли» (там же).

Налбандян был противником такой частной собственности, которая не имеет своим источником личный труд. «Не может быть собственностью то, что дает нам природа без затраты нашего труда; если один имеет ее тысячекратно больше другого, а этот другой—ничего, то она—кража, разбой и грабеж», писал он (стр. 404).

Вопросы нравственности Налбандян рассматривал в тесной связи с сущностью государства и права. Этим вопросам, в частности, посвящены многие гневные страницы работ «Мхитар Себастан и мхитаристы» (1858), «Замечание» (1858), «Земледелец...», «Критика «Соса и Вардигер», конспекта «Гегель и его время». Нравственность, мораль как форма общественного сознания, писал Налбандян, связана с объективными социально-историческими условиями бытия людей. В эксплуататорских обществах не могла и не может формироваться и существовать общечеловеческая мораль, поскольку у имущих и неимущих закономерно создаются противоположные представления о классовом угне-

⁷ См. А. Ф. Мясникян (Мясников), Избранные произведения, стр. 51.

тещин, о неравноправном положении людей, о свободе и т. д. Широкие массы не сразу, а постепенно приходят к осознанию несправедливости существующих порядков. Все это является результатом того, что понятие о нравственности присуще только человеку. «Для природы не существует никакого морального вопроса, для человека он есть, и это — результат его воли, которая может быть доброй и злой, может возвысить его и погубить» (стр. 152).

Налбандяна больше всего интересовал современный ему правопорядок, сущность господствующей морали. Он подчеркивал, что в борьбе с феодально-клерикальной моралью нарождающаяся буржуазная мораль основывалась на той иллюзии, что все люди равны и свободны. Однако мораль французской буржуазии означала равенство лишь частных собственников. Во Франции, говорил революционер-демократ, в конце XVIII века последним словом человека было: «Да здравствует свобода! Да здравствует равенство! Да здравствует братство!». Однако, продолжает он, «Да здравствует! — сказал бедняга и покинул площадь» (стр. 402) — потому что эти лозунги были фиктивными. «Значит, нет справедливости. И ты должен согласиться, что нет либо равенства, либо справедливости; нет действительного равенства; оно только на словах... Какое же это равенство?... ты пользуешься благами отечества, а я, имея равные права с тобой, несу только тяготы» (стр. 404).

Армянский революционер-демократ видел антинародную сущность нравственности государств Европы и Азии не только по отношению к собственным, но и по отношению к захваченным, угнетенным народам. Более того, нравственность этих стран, говорит Налбандян, сыграла и играет крайне реакционную роль как орудие оправдания колониализма, захватнических войн, истребления целых народов, объявления «низшими» тех наций, которые на века потеряли свою возможность развития и покорились захватчикам.

Источником бесчеловечной отвратительной нравственности людей современного ему общества, в частности среди армян в России и Западной Армении, Налбандян считал существующие неравноправные условия жизни, государственно-правовые системы, которые не в состоянии создать в человеке сознательное отношение к общественным делам, к окружающим людям. «Там, где нет свободного действия души, там господствует рабство...» (стр. 152); следовательно, в таком обществе нет и не может быть человеческой нравственности. «...Ростки просвещения не могут зазеленеть в рабстве» (стр. 156), более конкретно: «Рабство — мать всякой безнравственности» (стр. 170).

Изучая историю эксплуататорского общества, образование и изменение морали в ходе развития общества, Налбандян поднимается до марксистского понимания классовой сущности нравственности. С тех пор как общество оказалось расколотым на противоположные классы, «Мораль всегда была классовой моралью», каждый из классов имел свою собственную мораль⁸. Нравственность личности, по определению

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2-е изд., т. 20, стр. 95.

Налбандяна, формируется общей моралью общественности. Он мечтал об уничтожении частной нравственности и создании общечеловеческой. «Моральная победа жизни принадлежит не одному человеку,—писал он,—а народам, и каждый человек, каждый народ достигают ее только самостоятельно, а не иначе» (стр. 152). В статье «Замечания» Налбандян, развивая демократические принципы Белинского⁹ о единстве личного и общественного, подчеркивает, что «в общественной связи личности не теряются, не уничтожаются, а лишь отказываются от своей частности с тем, чтобы составить одно согласное целое, проявить для всех желательное единение» (стр. 148).

Налбандян был убежден, что недалеко то время, когда все люди освободятся от рабства и постепенно будут формировать правила общечеловеческой морали. В будущем обществе он предполагал деятельность людей на уровне требований всего общества. «Человек морален,—писал он,—когда не из страха перед авторитетами, а вследствие высокой сознательности и солидарности в нем не может даже зародиться желание совершить преступление» (стр. 453—454). Мысли армянского революционера-демократа схожи со взглядами Ф. Энгельса: «В обществе, в котором устранены мотивы к краже, где, следовательно, со временем кражу будут совершать разве только душевнобольные,—какому осмеянию подвергся бы там тот проповедник морали, который вздумал бы торжественно провозгласить вечную истину: не кради!»¹⁰. Формирование морального облика нового человека, предвидел Налбандян, будет происходить под благотворным воздействием морального общества, свободного от насилия и принуждения. Следовательно, каждый человек будет стремиться показать себя с лучшей стороны и не возбуждать общее негодование своими действиями. «Нравственное дело должно совершиться нравственным путем, без силы внешнего принуждения, без помощи насилия» (стр. 152).

Будучи борцом за освобождение народа, Налбандян хорошо понимал, что круг вопросов нравственности, равенства, свободы и т. п. порождает борьбу различных точек зрения и направлений. Он осуждал тех, которые стремились уйти от этой борьбы: «Да будет благословенна борьба, да будет она сильна, беспощадна, благородна и добросовестна! Убегающий от благородной борьбы—жалкое существо с бабыным характером» (стр. 154).

Идеалистическое понимание некоторых общественных явлений Налбандяном, его непоследовательно материалистическое понимание истории было результатом отсталости армянской действительности. Надо учитывать, что государственно-правовые взгляды Налбандяна формировались в 50—60-х годах XIX века под влиянием политико-правовых мыслей русских революционеров-демократов, но и в условиях существования различных буржуазных и мелкобуржуазных идейных и политиче-

⁹ См. В. Г. Белинский, Избранные философские сочинения, М., 1941, стр. 355.

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 95.

ских течений, концепций, идей. Его взгляды можно правильно понять и оценить лишь в связи с той конкретной исторической и социально-экономической обстановкой, в которой проходила его революционная деятельность. М. Налбандян является основоположником армянской революционно-демократической политико-правовой мысли, ставшей идейной предпосылкой распространения марксистско-ленинского политико-правового учения в армянской действительности. Представителями этого учения были армянские ученики и соратники В. И. Ленина—Ст. Шаумян, Б. Кнунянц, С. Спандарян, А. Мясникян и другие.

ՀԵՎԱՓՈԽԱԿԱՆ-ԴԵՄՈԿՐԱՏ Մ. ՆԱԼԲԱՆԴՅԱՆԻ
ՊԵՏԱԿԱՆ-ԻՐԱՎԱԿԱՆ ՀԱՅԱՅՔՆԵՐԸ

Իրավաբանական գիտ. բեկնածու Հ. Ա. ՀՈՎՍԵՓՅԱՆ

(Ա մ փ ո փ ու մ)

Մ. Նալբանդյանի փիլիսոփայական, գրականագիտական, պատմագիտական, տնտեսագիտական, էսթետիկական հայացքներին նվիրված են բազմաթիվ արժեքավոր ուսումնասիրություններ: Սակայն մինչև օրս պատշաճ խորությամբ չեն ուսումնասիրվել նրա պետական-իրավական հայացքները: Հոգվածում փորձ է արված բացահայտել Մ. Նալբանդյանի քաղաքական իրավական հայացքները, ի մի բերել նրա մտքերը պետության և իրավունքի առաջացման, շահագործողական պետության տիպերի էության, իրավունքի, բարոյականության և այլ հարցերի մասին: Հեղինակը ժխտում է այն տեսակետը, թե Նալբանդյանը գտնվել է Բակունինի անարխիստական գաղափարների ազդեցության տակ: Հոգվածում ցույց է տրված, որ Նալբանդյանը հայ իրականության մեջ առաջինը կանգնեց պետության էության հարցի գիտական տեսության մշակման ակունքի մոտ: